

## Письма о театре



Наталья Борисовна Кузякина (1928-1994), письма которой и послужили основой данной публикации, убеждены, известна многим. В украинской филологии и театроведении 60-х – начала 90-х годов Наталья Кузякина была фигурой первой величины. Ее научную и творческую карьеру можно считать образцовой и даже завидной. Вот только наравне с заслуженным успехом было и много хлестких ударов судьбы в ее разнообразнейших проявлениях: от официально-идеологической опалы до мелочно-завистливых подножек "коллег"...

В 1948 году Наталья Кузякина экстерном окончила филологический факультет Киевского университета им. Т. Шевченко по специальности "русский язык и литература", окончила аспирантуру в этом университете, а в 1952 году защитила кандидатскую диссертацию "Становление украинской советской драматургии (1917-1934 гг.)", ставшую основой первой части двухтомных "Очерков украинской советской драматургии" (1958, 1963).

В 24 года Наталья Кузякина – заведующая кафедрой литературы Измаильского учительского (позже – педагогического) института, в 28 лет – член Союза писателей Украины. После того как кафедру литературы перевели в Одесский государственный университет, с 1956 по 1961 годы работала в должности доцента кафедры украинской литературы. В эти пять лет собственно и состоялось знакомство Натальи Кузякиной и адресата писем – Ирины Шайкевич. К сожалению, обстоятельства встречи и начало дружбы двух сильных и неординарных женщин доподлинно не известны – остается лишь предполагать.

Ирина Борисовна Шайкевич (1939-1996) родилась в семье уважаемых педагогов Одесского университета Бориса Шайкевича и Берты Барской. Двери дома этого знаменитого в Одессе семейства всегда были широко открыты для местной интеллигенции. Трудно поверить, что работая в Одесском университете, Наталья Кузякина не познакомилась с гостеприимной четой Шайкевичей и не получила приглашения примкнуть к кругу гуманитариев-интеллектуалов. Ирина Шайкевич как раз училась на филологическом факультете того же вуза – не исключено, что Наталья Кузякина была одним из ее педагогов.

В 1961 году Наталья Кузякина вернулась в родной город Киев заместителем главного редактора издательства "Мистецтво", а в 1962 году была принята в качестве старшего научного сотрудника Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М.Ф. Рильского АН УССР. Спустя пять лет разразился скандал, кардинально изменивший судьбу Кузякиной: "не посоветовавшись с товарищами по отделу и без разрешения руководст-

ва" по просьбе "Украинского календаря" в Варшаве она написала статью "Рожденная революцией" о становлении украинской советской драматургии. Статью сочли "клеветнической", "субъективистской", "порочащей честь советского ученого" исключительно потому, что, по мнению ученого совета, автором умышленно были преуменьшены таланты и роль в истории первого драматурга УССР Александра Корнейчука и выпячены фигуры, официально подлежащие забвению, в частности, драматург Микола Кулиш. На все нападки Наталья Борисовна отвечала: "Я поставила перед собой цель — не искать заискивающих эпитетов, а быть абсолютно честной... чтобы не краснеть перед любым читателем... Единодушие — это смерть для науки. Не заставляйте меня думать так, а не иначе". Эти нравственные максимы долгие годы определяли мировоззрение Кузякиной и как ученого, и как критика, и как педагога.

В 1968 году Наталья Кузякина была изгнана из ИИФЭ им. М.Ф. Рильского, и началась плохо закамуфлированная травля. Ей же, упрямой, дерзкой, бескомпромиссной, свободолюбивой, была невыносима ни подковерная возня, ни досужие сплетни за спиной, ни унижительные запреты на ознакомление с иностранными изданиями и на поездки за рубеж. В 1971 году Наталья Борисовна защитила в Москве докторскую диссертацию, с 1969 по 1972 год работала на кафедре литературы Киевского государственного института театрального искусства им. И. Карпенко-Карого. Но с каждым годом все ощутимей становилась атмосфера, как точно определит ее сама Кузякина, "страшной духовной духоты", и она решается на отчаянный шаг — на "побег". В 1973 году она с сыном Борисом, к тому времени окончившим школу, переезжает жить в Ленинград, становится профессором кафедры истории театра Ленинградского института театра, музыки и кинематографии им. Н. Черкасова. Собственно, с этого переломного 1973 года и начинается представленная здесь переписка с Ириной Шайкевич — давней подругой и единомышленницей.

В первых письмах много жалоб на бытовые трудности, на пресловутый "квартирный вопрос", на сложность смены коллектива и даже климата. Но Наталья Борисовна жаловаться и не любила, и не умела — тон всех посланий оптимистичный или, по крайней мере, хотящий казаться таковым. Также следует отметить и неподражаемую интонацию этих писем — таким тоном ведутся лишь душевные беседы с лучшими друзьями, от которых скрывать нечего, да и незачем, а наоборот, хочется поделиться сокровенным без скороговорок междугородных звонков. Те, кто читал Наталью Борисовну лишь в научных изданиях или же знал лично как даму довольно строгую, порой резкую, а главное, всегда державшую в общении обязательную дистанцию, вне сомнений, будут удивлены совершенно иным обертоном ее заочного разговора с Ириной Шайкевич. Поэтому, смеем надеяться, что после прочтения этих писем в воображении многих образ "железной леди" (как в шутку называли Наталью Борисовну студенты) слегка изменится, черты его смягчатся, уйдет напускная строгость и излишняя серьезность, на задумчивом лице мелькнет тень грустной улыбки.

\* Протокол заседания ученого совета. Цит. по: Кузякіна Н. Запізнiлий вiдгук // Український театр. — 1994. — № 2. — С. 8.

Наталья Кузякина прожила до обидного мало – лишь 64 года. Она автор 10 монографий, среди которых пока не превзойденные никем работы о Миколе Кулише и Иване Кочерге; она один из авторов академической истории украинского театра; ее перу принадлежат более сотни научных и публицистических статей об украинском театре и драматургии 20-х годов, о современном украинском, русском, эстонском театрах, а также учебные программы и пособия по истории театра. За последние два года, будто в счет компенсации десятилетнего забвения, вышли три книги Натальи Кузякиной: "Театр на Соловках: 1923-1937" (Санкт-Петербург, 2009), "Траектории судеб" (Киев, 2010) – наконец-то изданная долгожданная книга о Миколе Кулише – и сборник статей, научных публикаций, интервью разных лет и других материалов в книге "Наталья Кузякина" (Дрогобыч, 2010).

Ирине Шайкевич, к сожалению, был отпущен земной срок еще короче – 57 лет. Прожив всю жизнь в родном городе Одессе, она известна, в первую очередь, как замечательный библиограф: читатели по сей день пользуются основательными картотеками и указателями, составленными Шайкевич и сотрудниками многие годы возглавляемого ею отдела искусств Одесской научной библиотеки им. М. Горького. Но поистине "тайной страстью" Ирины Шайкевич оставался театр – одна из постоянных тем писем Натальи Кузякиной, судя по всему, искренно интересующая адресата. Сама Ирина Шайкевич изредка выступала с публикациями о театре в одесских газетах, чаще – рецензировала спектакли устно, перед коллективами одесских театров. Но вне сомнений, самым ценным свидетельством театральной эпохи были и остаются шесть огромных тетрадей – дневники зрителя, которые она вела всю сознательную жизнь, предельно точно (позавидовали бы многие театроведы!) формулируя свои впечатления от спектаклей. Большинство узнало о существовании этих записей уже после смерти Ирины Шайкевич по изданной родными книге "[Театр]: Дороже многих радостей" (Одесса, 2002)...

Остается добавить, что публикуемые 25 писем недавно были переданы младшей сестрой Ирины – Яниной Борисовной Шайкевич – с просьбой опубликовать их и сдать в государственный архив. Часть писем оказалась недатированной, и хранились они в семейном архиве не в хронологическом порядке. Публикаторы попытались устранить это недоразумение и полагают, что им удалось это достаточно корректно. Некоторые из писем – лишь поздравительные открытки длиной в несколько строк, некоторые – в три машинописных листа (хотя большая часть написана от руки). Соответственно, от некоторых посланий, как правило, кратких и не содержащих сколько-нибудь ценной информации, пришлось отказаться. Публикаторы также позволили себе сделать несколько незначительных купюр в письмах, где речь шла о подробностях из личной жизни Натальи Кузякиной, – все подобные сокращения отмечены знаком: [...]. Текст представлен с сохранением авторского стиля.

Ирина ЧУЖИНОВА, Виктор СОБИЯНСКИЙ

### *Дорогая Ирина!*

Сегодня у меня день отдачи всех письменных долгов и посему я фундаментально сажусь за машинку, на несколько часов. В ваших глазах я уже становлюсь злостным банкротом, но все-таки это не совсем так. Банкрот, сразу признающий свою неспособность, — такова я только в одной сфере, там, где дело касается возможности послать вам что-либо вкусненькое или купить что-либо интересное — и подняться до уровня вашего изумительного грильяжа и прочих прелестей. Увы, тут я 1) просто профан, 2) у нас в Киеве, как я понимаю, просто нет приличных конфет — или я не знаю, какие они, 3) когда был Борис Александрович<sup>1</sup>, как раз Борис мой<sup>2</sup> лежал в grippe, был понедельник и закрыт наш книжный магазин, и я ничего не смогла придумать. Но пусть долг остается за мной!

Информацию о наших далеко идущих планах (Ленинград) вы уже получили. Очень хотелось бы переехать и дать Борису соответственное образование. Но как подумаешь о переезде, о трудностях обмена, поездках по этому самому проклятому обмену (и сколько все это стоит денег) и вообще как представишь всю это ломку — страшно! Рискну ли на это, хватит ли сил и смелости — не знаю...

Пока у нас все более-менее нормально. Не без того, чтобы прихвостни Йосипенко<sup>3</sup> не поднимали в институте разговоров о том, что в результате моих лекций у студентов падает уважение к Александру Евдокимовичу и пр. Если бы они не были такими дураками, я бы их пригласила на занятия и показала, как я вынуждена защищать одного Евдокимовича и некоторых других от уничтожающей критики студентов, — вот где парадоксы! Но это же просто подлые ослы, отнюдь не озабоченные сущностью дела. Но Йосипенко уходит из УТТ<sup>4</sup> (среди прочего — нагло вато запустил руки в карман этой организации, выписывая себе и своей жене чуть ли не по десять путевок в месяц!), может быть, там что-либо изменится к лучшему?

В середине марта поеду на несколько дней в Москву, надеюсь посмотреть хоть что-либо интересное. Наш русский театр показал вчера "Варваров" Горького<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Шайкевич Борис Александрович — советский литературовед, культуролог, отец Ирины Шайкевич, подруги Натальи Кузякиной, которой адресованы эти письма.

<sup>2</sup> Б.Г. Кузякин — искусствовед, сын Н. Кузякиной.

<sup>3</sup> Йосипенко Николай Кузьмич (1912-1983) — украинский театровед.

<sup>4</sup> УТТ — Українське театральне товариство, то есть Украинское театральное общество, ныне Национальный союз театральных деятелей Украины.

<sup>5</sup> Речь о спектакле Киевского театра русской драмы имени Леси Украинки, режиссер — Э. Митницкий, художник — М. Улановский, премьера состоялась в 1973 г.

Горького-драматурга я вообще не очень люблю, эту же пьесу давно читала и поэтому воспринимала как неизвестную, совершенно свежо и спокойно. Характеры интересны, но финал — такой мелодраматический, такой искусственный! Ну, а театр сделал из этой пьесы просто фарс, всячески изображая, во всех нюансах, красоты русского непробудного пьянства. Огорчительно это... Единственное удовольствие за последние месяцы — приезжал Рецептер<sup>6</sup> и читал "Гамлета". Можно спорить с трактовкой отдельных сцен и даже всей концепции, но это — интересно, и это Шекспир.

Борис сдал сессию на все пятерки, чем был сам очень удивлен. Занимается с интересом и чувствуется, что он попал в свою колею, а это самое главное.

С прошлого года у меня осталось еще 12 дней отпуска и я, правду говоря, надеюсь их использовать — в мае или июне, выбравшись в Одессу<sup>7</sup>. Заскучала за всеми одесситами, заскучала за Одессой и за морем. Очень хочу это сделать, а что получится — не знаю.

Ну, будьте здоровы, не сердитесь на меня и пишите, как у вас дела, как здоровье всего семейства. Приветствуйте Берту Яковлевну<sup>8</sup> и Бориса Александровича!

*Целую Вас,  
Кузякина.*

*Киев, первая половина 1973 г.*

### *Дорогая Ирина!*

Я уже не помню, отчего вы замолчали, — наверное, виновата я, которая должна была бы, приехав в Ленинград, сразу же вам написать. Но — не написала. По причине отчаянной, смертельной занятости, из которой вот только-только выскочила. Три недели я проездом была в Тбилиси (и ездила посмотреть Мцхету, Гори и Боржоми), была в Ереване (и смотрела Эчмиадзин), была в Киеве. Зимой такие поездки трудноваты — тяжелая одежда, си-

<sup>6</sup> Рецептер Владимир Эммануилович (1935 г. р.) — российский актер, режиссер и писатель. Особенно прославился как чтец.

<sup>7</sup> Здесь и далее фигурируют только постоянные обещания и намерения Натальи Кузякиной приехать в гости к подруге. Поспешим оправдать Наталью Борисовну: как вспоминает ее аспирантка (а сегодня известный театровед и режиссер) Ирина Волицкая, Кузякина довольно часто летом ездила в Одессу. Косвенно подтверждает это в своих мемуарах и одесский писатель Григорий Зленко. Также достоверно известно о встрече (конечно же, организованной Шайкевич) читателей одесской библиотеки с Натальей Борисовной в конце 1980-х гг. и приезде Кузякиной в Одессу летом 1991 г.

<sup>8</sup> Барская Берта Яковлевна (1911-1994) — одесский театровед, мать И. Шайкевич, жена Б. Шайкевича.

дение в аэропортах в ожидании погоды и пр. и пр. Поэтому устала, хотя и увидела много интересного для себя. А приехав в Ленинград, — вскопчила, "как муха в кроп", в заочную сессию — 30 часов лекций, экзамен, зачет.

[...] В Тбилиси и Ереване видела несколько хороших спектаклей. Здесь в Театре им. Пушкина неплохо поставили "Вишневый сад"<sup>9</sup>, а вчера в концертном зале смотрела и слушала интересную вещь — драматическую ораторию А. Онеггера на слова П. Клоделя "Жанна д'Арк на костре". Бедное своеобразие и удивительная раскованность авторов, соединивших элементы интеллектуальной драмы, мистерии, фарса, балета в единую форму оратории. Был у нас вечер, посвященный столетию В. Мейерхольда<sup>10</sup>, приезжали москвичи и говорили, что в Москве это было очень нехорошо, а в Ленинграде прошло все как надо: т. е. было много народа, очень хороший доклад сделал Г. Товстоногов, и была скромная художественная часть (актеры отвратительно читали отличные письма В. Мейерхольда — из неопубликованных материалов). Присутствовала дочь Мейерхольда Ирина и приезжала из Москвы его внучка, учительница, Мария Алексеевна, — славная, энергичная женщина. Ирина Всеволодовна — старая громоздкая дама, и не очень симпатичная... Вот вам отчет!

Мы с Борисом начали ходить в БДТ, — посмотрели "Мещан", сегодня — "Ханума", впереди — "Мольер" и "Ревизор".<sup>11</sup> Я хочу пересмотреть все, что они играют, чтобы составить себе ясное представление об этом театре. Может быть, потом и напишу что-нибудь...

Привет всем вашим. Пишите, как здоровье у всех и что у вас слышно!

*Целую.*

*Ленинград, февраль-март 1974 г.*

### *Дорогая Ирина!*

Отвечаю на ваше письмо, ибо если отложу — плохо будет ему, а с ним и мне. Знаете, чем дольше письмо лежит, тем труднее взяться за ответ. А — с налету — еще можно...

Очень рада за Бориса Александровича, — книга<sup>12</sup> его нужна и будет

<sup>9</sup> "Вишневый сад" А. Чехова (реж. — Р. Горяев, худ. — И. Иванов), Ленинградский государственный академический театр драмы им. А. Пушкина, 1972.

<sup>10</sup> Столетие российского режиссера-реформатора Всеволода Мейерхольда (наст. — Карл-Казимир-Теодор Мейергольд) торжественно отмечалось 9 февраля 1974 г.

<sup>11</sup> "Мещане" М. Горького, режиссура и оформление Г. Товстоногова, премьера состоялась 25.12.1966 г.; "Ревизор" Н. Гоголя, режиссура и оформление Г. Товстоногова, премьера — 8.05.1972 г.; "Ханума" А. Цагарели, режиссер — Г. Товстоногова, художник — И. Сумбатшвили, композитор — Г. Канчели, премьера — 30.12.1972 г.; "Мольер" М. Булгакова, режиссер — С. Юрский, художник — Э. Кочергин, премьера — 12.02.1973 г.

<sup>12</sup> Шайкевич Б.А. Ибсен и русская культура: Очерки. — Киев: Вища школа, 1974. — 142 с.

прочитана со вниманием и пользой, — Ибсен ведь не умирает и, вполне возможно, что мы еще будем свидетелями его возрождения и на нашей сцене. Конечно, к этой моей радости примешивается и вполне эгоистическое желание иметь эту книгу, — ведь где ее тут купишь! Вообще, я еще не наладила тут необходимых книжных контактов и испытываю от этого некоторое затруднение, гл. это временно и скоро пройдет...

"Булгаков на ТВ"<sup>13</sup> был мне очень интересен, но, к сожалению, оставил ощущение некой странности в концепции режиссера, и я не могу разделить удовольствие, которое от этой картины испытывают другие. Эфрос<sup>14</sup> мне представляется человеком очень дисгармоничным и, к тому же, вполне циником, и он привносит эту дисгармонию во все, за что берется. Я не видела у него (за исключением давней "Чайки") ни одного гармоничного спектакля, в котором бы все было не просто выпячено, а естественно связано друг с другом. Этот фильм удивил меня странностью назойливых и навязчивых сопоставлений Мольера и Дон Жуана. Я не понимаю этого: что это мне должно объяснить? Что каждый автор вкладывает частицу своей души в героя? Но ведь эта истина известна давно, и надо ли было в фильме, который смотрели миллионы людей, не очень причастных к искусству, показывать эту близость столь странным способом: вот, Мольер — и у него две женщины, вот, Дон Жуан — и две девчонки, вот Мольер жует с королем, а вот Жуан — со слугой, и т. д. и т. п. Я уже не говорю о загадочном колесе, которое раздражало и в спектакле "Дон Жуан", а здесь и вовсе стало неким символом — чего? Ну, бог с ним... [...]

**P. S.** А вот "Мольер" в БДТ (и Юрский-Мольер)<sup>15</sup> мне больше понравился. Режиссура суховатая, Юрский-режиссер испугался фарса, а Юрский-актер не вытягивает эмоционально, но это умно, прозрачно и абсолютно доказуемо по логике спектакля, и в этом живет если не эмоция, то очень честная, обостренная мысль. БДТ поставил хороший спектакль по Вампилову — "Прошлым летом в Чулимске"<sup>16</sup>. Психологично-бытовая и очень эмоциональная драма (где-то даже с красками мелодрамы) — посмотрится с интересом.

*Ленинград, весна 1974 г.*

<sup>13</sup> Имеется в виду телевизионный фильм "Всего несколько слов в защиту господина де Мольера" (реж. — А. Эфрос), который вышел на экраны в 1973 г.

<sup>14</sup> Эфрос Анатолий Васильевич (1925-1987) — русский театральный и кинорежиссер.

<sup>15</sup> См. прим. 11. Юрский Сергей Юрьевич (1935 г. р.) — русский актер театра и кино, режиссер.

<sup>16</sup> "Прошлым летом в Чулимске" А. Вампилова; режиссер — Г. Товстоногов, художник — Э. Кочергин, премьера — 1.03.1974 г.

*Дорогая Ирина!*

Долги мои стали уже столь велики, что, как злой алкоголик, я махнула рукой — все равно пропадать! Верьте мне — не могла выбрать спокойного часа. [...]

А сейчас сижу в номере в Таллинне, — сегодня уезжаю домой. Посмотрела одну отличную, великолепно сделанную работу — Юри Ярвета<sup>17</sup> в "Последней ленте Креппа" Беккета. У него вечер из двух отделений: "Записки сумасшедшего" Гоголя и Беккет. И все это очень разное: Гоголь преподносится обобщенно, скорее, в манере литературного чтения, с минимумом бытовых жестов — и это даже эстонцам кажется несколько скучновато. А Беккет — в сочной бытовой манере, с кашлем, ужимками, жеванием и пр. — и это дает удивительный эффект достоверности. Драма человеческой страсти, тем более страшная, что старик уже не способен понять себя, молодого. Так я уразумела (это в малом зале, а там нет перевода). Сегодня еще посмотрю в этом же театре им. В. Кингисеппа — "Концерт" Г. Бара (того старого австрийца, которого у нас никогда не играли) и "Леа" Ю. Смуула<sup>18</sup>. Вчера видели "С любимыми не расставайтесь" — русскую жизнь они не способны ни понять, ни изобразить даже внешне. Смотреть спектакль смешно и страшновато (все немного утрируется, рождается гротеск, и мы все выглядим в нем чуть дегенератами)...

[...] Ну и, наконец, сам Таллинн, — очень славный в своей готике, так непривычной для нас. В Тарту я на этот раз не попала<sup>19</sup>, но думаю зимой поехать. В. Пансо<sup>20</sup> лежит тяжело больной (после инфаркта всяческие воспаления, к тому же он прилично выпивал) и К. Ирд остается единственным зубром эстонского театра<sup>21</sup>...

[...] Не обращайтесь и не огорчайтесь, если я не сразу буду отвечать, это значит, что я вполне здорова (будем надеяться!), но занята и не могу выбрать вот такой спокойной минуты, когда мне никто и ничто не мешают.

*Привет всем!*

*Целую.*

*Таллинн, 1974 г.*

<sup>17</sup> Ярвет Юри Евгеньевич (1919-1995) — эстонский театральный и киноактер.

<sup>18</sup> Смуул Юхан (Иоганнес Юрьевич Шмуул, 1922-1971) — эстонский писатель.

<sup>19</sup> Впервые в Эстонию Н. Кузякина попала вместе с И. Шайкевич в июле 1973 г.

<sup>20</sup> Пансо Вольдемар Хансович (1920-1977) — эстонский театральный режиссер.

<sup>21</sup> Ирд Карел Кириллович (1909-1986) — эстонский театральный режиссер, художественный руководитель театра "Ванемуйне" в Тарту.

*Дорогая Ирина!*

[...] В театры еще не хожу по-настоящему, — занята подготовкой лекций. Но сегодня пошла посмотреть "Ромео и Джульетту" у Эфроса<sup>22</sup>, — театр приехал на гастроли на целый месяц и надо будет походить, посмотреть наиболее интересные спектакли. Что вам сказать? Это интересно, хотя и противоречиво. Была очень славная Джульетта-Салтыковская, в духе героини фильма Дзефирелли, — ей действительно 14 лет, и она очаровательна, пылкая, страстная и умная, — все мысли Шекспира укладываются в ее голове и рождаются как ее открытия, естественно и просто. Ромео-Грачев — слишком дубовый, не гибкий. И хорош Лоренцо-Волков — мудрый, достойный. Общая же режиссерская концепция, как я ее поняла (забыла, что писали о спектакле) — Ромео и Джульетта — как чужие в окружающем их жестоком и холодном мире. И этот мир кривляется и скалит зубы, — и Меркуцио, и Тибальд, и Петр, слуга Капулетти, и сам противный Капулетти (Броневой кривляется в этой роли свыше всякой меры)...

А еще я прочитала (у меня все запоздалые премьеры!) повесть Окуджавы "Глоток свободы"<sup>23</sup> — и это тоже интересно, хотя Булгакова тут больше, чем самого Окуджавы. После этой повести мы еще раз пошли в Петропавловку, — иногда надо подумать на старых пепелищах. [...]

*Ленинград, вторая половина 1974 г. (?)*

*Дорогая Ирина!*

Итак, — с Новым годом! Всем вам, всем — здоровья, бодрости и немного благополучия! Я уже перестаю желать людям счастья, ибо не очень уверена, что оно есть (помните, у Пушкина — "в вопросах счастья я атеист..."<sup>24</sup>). Но, в соответствии со своим возрастом, желаю уже солидно здоровья и благополучия!

Давно не писала и не отвечала вам, но не виноватая нисколько, — времени не было в полном смысле этого слова, думала, что в декабре будет легче, однако навалили на меня столько срочного диссертационного чтения, что я обалдела, остервенела и начала подавать признаки легкого по-

<sup>22</sup> "Ромео и Джульетта" У. Шекспира (художник — В. Дургин), Театр на Малой Бронной, 1970 г.

<sup>23</sup> "Бедный Авросимов (Глоток свободы)" — повесть русского писателя и барда Булата Окуджавы (1924-1997) о трагических страницах в истории декабристского движения.

<sup>24</sup> "В вопросе счастья я атеист; я не верю в него и лишь в обществе старых друзей я начинаю немного сомневаться." — А. Пушкин — П. Осиповой, 5 (?) ноября 1830 г. из Болдина в Опочку.

мешательства. А именно: меня всюду бил ток и по 10 раз в день я кричала: "Ой!", притрагивалась к плитке, холодильнику, налитой в ванной воде, а однажды ударила "своим" током даже Бориса и он, глядя, как между нашими руками бежит искра, удивленно сказал: "Но так же не бывает!". Словом, конденсировала в себе электричество. А потом пошла на ученый совет и "разрядилась" — активно способствовала провалу защиты некой девицы, будучи первый раз на совете, да еще и уважительно избранная председателем счетной комиссии! И никто не знает, что виной всему — не стержневой характер, а просто электричество... Правда, к тому же девица была нахальной, а диссертация — скверной... Но ректор надулся и на меня не смотрит... [...]

*Еще раз — всяческие пожелания всем!*

*Пишите!*

*Целую вас.*

*Ленинград, январь 1975 г. (?)*

*Дорогая Ирина!*

Таким образом, на повестке дня — Новый год! Поздравляю вас, все ваше семейство и желаю всем — соответственно по персональным потребностям всего-всего! Мне-то лично новый год не нужен, и ожидание чуда, надежды и прочие глупости давно уже меня не посещают в преддверии этого праздника. Но если этому году надобно прибыть — что же, добро пожаловать! [...]

У нас прошел невероятно удивительный спектакль "Холстомер" в БДТ (с Лебедевым<sup>25</sup> в заглавной роли)<sup>26</sup>. Описать это трудно. Я для "Вечерки"<sup>27</sup> делаю рецензию и, как она пройдет, пришлю вам, — это будет все равно лучше, чем писать в письме. Это надо видеть!

[...] Я тоже не знаю, прошла ли рецензия на "Прапорonoсці" в "Театре"<sup>28</sup> — ничего мне не сообщают. "Ступку" отправила в "Театр"<sup>29</sup> — тоже ничего нет. Если не получу на днях подтверждения, — буду писать.

Ну, вот, как видите, пока ничего. Все в ожидании — и в работе, в беготне, в опозданиях. Устала. Авось, в январе немного будет легче.

<sup>25</sup> Лебедев Евгений Алексеевич (1917-1997) — советский актер театра и кино.

<sup>26</sup> Спектакль по повести Л. Толстого "Холстомер", инсценировка М. Розовского, режиссер — Г. Товстоногов, художник — Э. Кочергин, премьера — 27.11.1975 г.

<sup>27</sup> Судя по всему, рецензия Н. Кузьякиной так и не вышла — отыскать ее на страницах газеты "Вечерний Ленинград" не удалось.

<sup>28</sup> Эта статья под названием "Альтовый голос юности" вышла в № 12 за 1975 г. журнала "Театр".

<sup>29</sup> О какой статье Н. Кузьякиной речь, установить не удалось.

Еще раз — привет всем!  
Целую вас! Не сердитесь на сухость письма — слишком еще много дел!  
Машинку починить и найти ленту — некогда! Купить стержни некогда!  
Жить? Некогда!

*Кузякина.  
Ленинград, декабрь 1975 г.*

*Дорогая Ирина!*

Ваше молчание мне непонятно, а в Одессу нельзя дозвониться, но надеюсь, что у вас все благополучно, а отсутствие ваших писем — результат времени, которое разводит нас. [...]

У меня, как всегда последнее время, много работы, а почему — не знаю. Наверное, все-таки дает знать себя возраст, и то, что раньше получалось быстро и хорошо, теперь требует иных затрат. Но, в общем, пока все благополучно. [...]

Был у нас "Ванемуйне" на гастролях, виделась и говорила с Ирдом. Постарел он сильно, но держится молодцом. Гастроли особого успеха не имели, репертуар оказался не очень интересным зрителю ("Жизнь в цитадели" Якобсона, "Кремлевские куранты", "На задворках", "Полонез-45"). Наиболее интересным был "Полонез-45", сделанный по повести "Пепел и диамант" поляка Анджиевского. Конечно, Тооминг — человек большого таланта и режиссер из него выходит первоклассный. Но он человек дисгармоничный, и его обостренное, болезненное, до крика, восприятие противоречий человеческой жизни рождает спектакли грандиозные по масштабам, символически многозначные, но не очень ровные. Великолепен дуэт Хермакюлы и Тооминга в дрянной пьесе "Жизнь в цитадели" и замечателен Хермакюла в роли Ленина в "Курантах". А еще показали для работников ВТО постановку Хермакюлы "Как дурачок по свету ходил" — эстонская сказка поставлена изящно, мило, — сплошное очарование. Вообще, Хермакюла — это очень интересно. А вместе с Тоомингом — вдвойне<sup>30</sup>.

Особых впечатлений от ленинградских спектаклей как-то не было. Смотрела второй раз "Тихий Дон" — интересно, умно, глубоко и правдиво, но холодно. Слишком часто воспоминания разрывают живую ткань современного течения действия, и все кусочками, кадрами, нет возможности захватить зрителя. На малой сцене поставили "Последний срок" Распутина, Лебедев как режиссер нашел для себя тему, близкую ему по "Исто-

<sup>30</sup> Приписка автора на полях: "Это уже прямо как в рецензии. Видите — приходит забвение жанровых норм письма...".

рию лошади". Спектакль хороший, где-то чуть-чуть затянутый, — может, уже и выровнялся, я была на просмотре<sup>31</sup>. [...]

*Ленинград, конец 1977 г. — начало 1978 г.*

### *Дорогая Ирина!*

Со мной ничего решительно не случилось, и вообще все вполне благополучно! Все дело в том, что я попала в такой цейтнот, что не знала, на каком свете нахожусь. Но — по порядку.

Итак, 22 марта я поехала в Прибалтику. Была в Риге, Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде, Паневежисе, Минске и Тарту. Видела 21 полный и еще — по кускам и в репетициях — 4 спектакля. Все было хорошо (рассказывать очень долго, это надо встретиться и посидеть "спокойно"), хотя, надо сказать правду, я почему-то не хотела ехать, боялась, что я, по своей слепоте и невнимательности, попаду в какую-нибудь беду. Словом, активно не хотела ехать и поехала, когда уже нельзя было тянуть. Но все оказалось хорошо. Поскольку я, впервые за много лет, поехала в Прибалтику, имея большие деньги, я удовлетворила свои неотложные нужды по части предметов дамского туалета (ничего достойного вашего изысканного внимания не было, все элементарное и простое [...]). Купила Борису пару свитеров и японский зонтик. А из серьезных покупок (которые мне поручать нельзя, и мне так не хватало вашего строгого серьезного взгляда и краткой оценки: "Это — не Рио-де-Жанейро") я все-таки сделала две важных: купила в Клайпеде мех на воротник и шапку (две нутрии, очень приятного серовато-коричневатого цвета, или, точнее, чуть кофе с молоком). Куплено на базаре, где можно открыто продавать эти меха. Но надо будет еще решать проблему — как это шить здесь, у нас ведь без клейма не принимают. Это стоило 85 р., по-моему, дешево. Так что я, наконец, пошью себе зимнее пальто, и собираюсь этим заняться прямо после праздников. А еще кушила черного трикотажа (финский, чисто шерстяной, по 35 р. метр) на костюм. Это дорого, но уж очень выгодно в носке, как я думаю, и если хорошо пошить, то костюм будет иметь нужный вид — и в театр, и на работу. Хотела там купить готовое пальто — или зимнее, или осеннее, но ничего путного не было, хотя выбор немалый. Купила еще рабочие туфли на микропоре, сумочку и прочую дребедень. Была несколько ошарашена и относительным обилием в магазинах Прибалтики (но тоже надо все за-

<sup>31</sup> Речь идет о спектаклях Большого драматического театра: "Тихий Дон" М. Шолохова, режиссер — Г. Товстоногов, художник — Э. Кочергин, премьера — 2.06.1977 г.; "Последний срок" В. Распутина, режиссер — Е. Лебедев, художник — Э. Янокопулос, премьера — 30.12.1977 г.

хватить случайно, обегать все магазины, я это не умею делать, поэтому не купила себе нужной обуви), и возможностью заткнуть свои дыры — вы-то знаете, как я была стеснена в возможностях все эти годы [...]! А как же другие? Не иначе как они должны быть чертовски умными людьми, если они могут на свои зарплаты все-таки отлично одеваться и сводить концы с концами. Ну, я всегда себе говорила, что я так нелепа в практической жизни, что просто должна получать много денег, иначе мне — хана. [...]

Простите за такое вздорное письмо! Но надо же когда-то и о тряпках поговорить!

*Целую.  
Ленинград, 1978 г.*

### *Дорогая Ирина!*

На свое письмо я не получила вашего ответа, — очевидно, мои "тряпочные" сообщения не произвели на вас особого впечатления. Жаль! А я так старалась ничего не забыть, так набивалась на похвалы моим женским делам, так хотела сказать, какая я хорошая... Ну, ладно, больше ничего такого писать не буду.

[...] У меня остаются десять дней отпуска, которые я смогу взять осенью, — я уже не была в Москве по-человечески давно (день-два — это не то), многого не видела. Правда, у нас как раз в этом году был на гастролях "Современник"<sup>32</sup>, но я ездила тогда по Прибалтике. И был театр Сатиры, когда я уже приехала, но я так была загружена (все же лекции надо было вычитать), что никуда не ходила. Единственное, что успела посмотреть из премьер этой весны, — "Записки Пиквикского клуба" в БДТ<sup>33</sup>. Мило, очень приятно, Трофимов, правда, не вытягивает Пиквика (они его замыслили Дон Кихотом), но все равно, — славно.

Тут был в Таллинне и Тарту очень интересный фестиваль — по случаю 100-летия Таммсааре<sup>34</sup>. А я была так занята, что не смогла и поехать. Приезжайте осенью, поедem к Ирду смотреть новую постановку Я. Тооминга<sup>35</sup>, — конечно, если ничего с ним не случится, это будет режиссер номер один на весь Советский Союз. Актерский дуэт Тооминг-Хермакюла<sup>36</sup> — сплошное

<sup>32</sup> Московский театр, основанный в 1956 г. группой молодых актеров (О. Ефремовым, Г. Волчек, Е. Евстигнеевым, О. Табаковым и др.). В 1978 г. гастролировал в Ленинграде.

<sup>33</sup> "Пиквикский клуб" по роману "Посмертные записки Пиквикского клуба" Ч. Диккенса, режиссер — Г. Товстоногов, художник — Э. Кочергин, премьера — 14.04.1978 г.

<sup>34</sup> Таммсааре Антон Хансен (1878-1940) — эстонский писатель.

<sup>35</sup> Тооминг Яан Освальд (1946 г. р.) — эстонский театральный актер и режиссер.

<sup>36</sup> Хермакюла Эвальд (1941-2000) — эстонский театральный актер, режиссер.

удовольствие и немалое потрясение. В общем, сейчас из театров Прибалтики самый живой — "Ванемуйне". Это не значит, что его спектакли всегда хороши (совсем нет, там они так накручивают, что и утром не разберешь, не только с вечера), но это интересно.

[...] Теперь, возвращаясь к делам житейским, хочу вас просить об одном одолжении. [...] Имея впереди ваш день рождения, напишите мне по-человечески (а не по-дамски, т. е. без жеманства), что бы вам подарить. Вы знаете, я не обладаю тут (только ли тут?) тонкостью, догадливостью и могу запросто прислать вам еще одну сорочку — в добавление к вашей дюжине. Если вы просто напишете, вы мне очень облегчите существование. [...]

*Ленинград, 1978 г.*

### *Дорогая Ирина!*

Вы как-то тревожно молчите, — или это мне, встрепанной и тревожной, так кажется? Но я все-таки надеюсь, что у вас все благополучно! [...]

Зима надоела — ах, как надоела! Такая она беспощадная и затяжная в этом году, конца ей не видно, — морозы, снег, ветры. Так, как будто живем на далеком Севере, и никогда уже не будет солнца, моря, тепла и вообще ничего человеческого. Возмутительно! [...]

Была я в Таллинне и Тарту, видела Ирда и смотрела пару интересных спектаклей. Ирд постарел, похудел, но держится молодцом. Давал премьеру нового спектакля с Юри Ярветом, — это мало интересно, к сожалению. А вот на большой сцене "Ванемуйне" я посмотрела очень интересный и сложный спектакль Яана Тооминга по повести А. Таммсааре "Новый Нечистый из Пекла". Это — громада, выстроенная как притча о человеческой жизни, о бытии. Потрясает, подавляет, немного пугает, утомляет своей мощью и множеством деталей, накрученных, неверченных на остов таммсааровской повести. Но это очень талантливо, и через десяток лет Тооминг будет звездой советской режиссуры, а Тарту будет обеспечен зрителями и туристами еще на четверть века. Молодец Ирд, что поддержал его и защитил, и дал работу!

А в Таллинне видела "Пелеас и Мелисанда" Метерлинка — поставил некий финский режиссер<sup>37</sup>, зеленая тоска и скука, — зачем все это, так и не знаю. И В. Пансо показал почти готовые два акта дипломного спектакля "Шесть персонажей в поисках автора" — это интересно по режиссуре, но актеры, конечно, не тянут.

<sup>37</sup> О ком речь, установить не удалось.

В апреле к нам, как я сегодня узнала, приезжает с двумя спектаклями Ж. Л. Барро<sup>38</sup>. Одновременно я узнала, что билеты уже достать нельзя... Надо сказать, что у нас на факультете в этом отношении удивительно недружный народ, никто ни о чем не сообщает, и тем более не заботится о билетах, каждый сам по себе. Приехал и театр им. Маяковского, я посмотрю пару спектаклей, а на большее, наверное, не будет времени, зашиваюсь совершенно с работой. [...]

*Ленинград, зима 1978-1979 гг.*

*Дорогая Ирина!*

Получила и письмо, и бандероль — спасибо за все! Право, дарить мне броши — это все равно, что петуху — жемчужное зерно! Ведь я так не умею все это приспособлять к делу и, наверное, останусь в памяти ленинградских педагогов как — "ну, помните, та киевлянка, что одевалась как-то странно...". Еще раз спасибо, но я перед вами — в неоплатном долгу! Придется вам набраться терпения, авось и я что-то соображу, хотя для меня это — самая трудная задача!

Вернулась вчера из Тарту. Юбилей<sup>39</sup> прошел очень размеренно и точно (по времени), но как это все утомительно и обременительно! Ирда по этому поводу сказал две разумные вещи: что иногда надо устраивать в театре такие "театральные спектакли" и что это началась генеральная репетиция его похорон. И то, и другое справедливо. А когда в концертном зале, где был устроен банкет, я увидела его портрет на сцене среди горы цветов, то мне как-то стало даже нехорошо, — так это напомнило поминки после похорон.

Доклад мой прошел вполне благополучно, впервые читала по тексту, увидев, что так делает К. Каск<sup>40</sup>, и это было лучше, т. к. короче. Люди говорили, что им понравилось. Но юбилейные тяготы оказались для меня все-таки чрезмерными, и я сбежала с банкета через 30 минут. Уезжала автобусом ночным, а начало банкета затянулось. Это опять-таки было неловко — я сидела за главным столом (было человек 300) и мне пришлось проществовать через весь зал. [...]

Новые спектакли, которые показал Ирда, не очень интересны. "Пиквикский клуб"<sup>41</sup> — симпатично, но не более. Комической оперы не получилось, собственно комедийные линии оказались слабыми. Что касается

<sup>38</sup> Барро Жан-Луи (1910-1994) — французский театральный актер и режиссер.

<sup>39</sup> 14 августа 1979 г. К. Ирда отмечал свой 70-летний юбилей.

<sup>40</sup> Эстонский театровед, в соавторстве с Л. Тормисом и В. Паалме написал книгу "Эстонский театр" (М.: Искусство, 1978).

<sup>41</sup> Инсценировка по роману Ч. Диккенса "Посмертные записки Пиквикского клуба", театр "Ванемуйне", 1979 г.

второго спектакля — "Я пал в первое лето..."<sup>42</sup>, то это очень интересно по содержанию, по мыслям, которые читает Хермакюла от автора (судьба эстонской армии в годы войны), но сценически скучно. Напоминает (хотя и лучше) "Прапороносцы" Гончара во Львове — живые картины войны.

В магазинах Тарту — ничего нет решительно. И хотя я не собиралась что-либо покупать, но огорчилась этим. Несколько огорчилась и тем, что из всех женщин, приехавших поздравлять Ирда со всех сторон, я одна не имела праздничного платья и осталась в приличном, но все-таки рабочем костюме. Надо бы что-то соорудить! Но самой мне нельзя этим заниматься, т. к. будут выброшены деньги неведомо на что. Тут мне вчера принесли второй стеллаж и содрали с меня такую сумму, что у меня даже настроение испортилось! А сделали халтурно до последней степени!

Моя непрактичность, непонимание реальных свойств и качеств вещей стала меня в последнее время особенно огорчать (раньше этого несколько не было!). А ведь поумнеть мне в этой сфере никак уже невозможно... Вот видите, и я о себе, — и как же иначе? [...]

В театрах тут еще не была. БДТ в октябре на неделю будет в Киеве с "Историей лошади"<sup>43</sup> и еще двумя-тремя спектаклями. Товстоногов репетирует "Волки и овцы"<sup>44</sup>. Открывается новый молодой театр под руководством талантливого человека Малыщицкого<sup>45</sup>, — это приятно.

Ну, всего доброго! Будьте все здоровы и благополучны!

*Целую крепко!*  
12 сентября 1979 г.

### *Дорогая Ирина!*

В результате падения картины у меня повредилась машинка (побился корпус), и поэтому постараюсь быть краткой. Не сердитесь, ведь привычка — вторая натура, а я привыкла к небрежному писанию за машинкой и еще не научилась по-старому грамотно и выразительно писать рукой<sup>46</sup>. [...]

Была три дня в Тарту, Кампуса<sup>47</sup> еще не было, но принимали нас (меня

<sup>42</sup> "Я пал в первое лето войны" по запискам Ю. Пеэгея, театр "Ванемуйне", 1979 г.

<sup>43</sup> См. прим. 26.

<sup>44</sup> Пьеса А. Островского, художник — Э. Кочергин, премьера — 11.03.1980 г.

<sup>45</sup> Малыщицкий Владимир Афанасьевич (1940-2008) — театральный режиссер, педагог, основатель Ленинградского самодеятельного театра "Студио" (1969 г., с 1980 г. — Молодежный театр, ныне Санкт-Петербургский молодежный театр на Фонтанке).

<sup>46</sup> Большая часть писем напечатана на пишущей машинке.

<sup>47</sup> Кампус Э.Ю. — эстонский театровед, долгое время прослуживший заведующим литературной частью театра "Ванемуйне".

и студентов) хорошо. Были встречи с Ирдом (привет вам, хотя время делает свое — что-то у него в голове забывается) и Хермакиолой, смотрели спектакли. Я собралась написать статью о Хермакиоле, но еще нет уверенности, что получится<sup>48</sup>, — все-таки мало я его видела и языковой барьер очень мешает, а он к тому же замкнут со мной и слова вытаскиваются из него с немалым трудом.

В праздники как раз думаю сесть и написать, если ничего не помешает. Вообще надо много работать: пришла из Киева с рецензиями (положительными) моя рукопись "Леся Украинка и А. Блок"<sup>49</sup>, надо доработать, добавить небольшой раздел. Так что только бы не подвело мое здоровье (чувствую себя вполне сносно), а на май работы хватит.

Рада вашей поездке в Молдавию, это всегда освежает, да и для вас в этом особая прелесть. О "Докторе Стокмане"<sup>50</sup> слышала только, что получилось хорошо, а более ничего. Я рада этой постановке, потому что в прошлом году во всех театрах Прибалтики пропагандировали эту пьесу как первую производственную пьесу, страшно современную, но никто не внял моим объяснениям. Я тогда еще не знала о том, что Унгуриану<sup>51</sup> ее думал ставить. Рада, что не ошиблась. Ну, вот и все мои новости. Будьте здоровы и вполне благополучны "со домочадцы". Рада, что у вас все хорошо и все на ногах! Передайте мои приветы и добрые всем пожелания.

*Целую вас крепко!*

Дописано от руки:

Жаль, что побилась машинка, — очень, но если бы вы видели, какую славную женскую головку по мотивам Вермейера<sup>52</sup> написал Борис. Вольная копия получилась весьма привлекательней, но так как ни он, ни я не имели еще опыта с картинами в тяжелых рамах, то она сорвалась (хорошо, что не ночью!) и наделала беды. Если приедете в Ленинград, увидите и поверите мне, что это уже нечто профессиональное. [... ]

*28 апреля 1979 г.*

<sup>48</sup> Вероятно, речь о статье: Кузякина Н. Эвальд Хермакиола // Театр. — 1980. — № 2. — С. 65-76.

<sup>49</sup> Кузякина Н.Б. Леся Украинка и Александр Блок: Литературно-критический очерк. — К.: Радянський письменник, 1980. — 167 с.

<sup>50</sup> Спектакль по пьесе Г. Ибсена "Враг народа" в Московском театре "Современник", режиссер — И. Унгуриану, художник — М. Китаев, премьера — 1979 г.

<sup>51</sup> Унгуриану Ион Спиридонович (1935 г. р.) — актер театра и кино, режиссер, в начале 1990-х — министр культуры Республики Молдова.

<sup>52</sup> Вермейер Ян Делфтский (1632-1657) — голландский живописец эпохи барокко.

### *Дорогая Ирина!*

Так долго я ждала "человеческого" времени, чтобы написать вам письмо. Но пишу, так и не дождавшись оно, в суматохе и внутренней спешке оттого, что утопаю в работе и обязанностях, а времени и силенок нетути. Поэтому постараюсь быть краткой, и если в письме будет много опечаток, то не удивляйтесь, — тороплюсь.

Вопрос о моем заведовании кафедрой не вставал и не мог встать, т. к. мне этого не надо ни при каких обстоятельствах, состояние нервов мне этого не разрешает и при моей неучтивости и малой воспитанности ничего хорошего для дела бы тоже не было. Это просто ошибка тартусцев<sup>33</sup>, которые решили, что должен же человек иметь какой-то важный чин. Словом, это все вздор. [...]

Да, вашу фразу о жизни, соответствующей моему возрасту и чину, я вполне понимаю: в глазах людей я уникальная дура и, очевидно, таковой в сущности и являюсь. Во всяком случае, в ближайшем окружении я заметила уже несколько покровительственное отношение к себе как к неудачнице и "тетере". Что попишешь? Так оно, по всей вероятности, и есть, еще в аспирантуре меня называли "дурна розумница", а с тех пор я не поумнела. Скорее наоборот, т. е. то испытание благополучием, о котором вы толковали и которое меня до крайности испугало в Одессе (это была одна из причин нашего отъезда, тоже немаловажная), меня давно отвратило от "соответствий чинам" и пр., так что с этой точки зрения мне легче помереть под забором, нежели в процветании. Придется вам с этим тоже примириться.

Об Ирде вы сокрушаетесь вполне напрасно, т. е. всякий старик бедный, как "беден" всякий старый человек, потому что жизнь — ушла. Вам этого еще просто не понять, но все придет в свое время. [...] Но ведь тут тоже ничего не сделаешь, т. е. у каждого складывается судьба так или иначе по совокупности обстоятельств, и из круга этих обстоятельств, как правило, вырваться очень трудно. Очевидно, трудно и вам круто изменить свою жизнь и заставить себя пойти на некие компромиссы, да и кто знает — стоят ли они того? По-всякому худо и я, право, не знаю, какие судьбы лучше и кому можно было бы позавидовать?

Приехать в Одессу мне очень хочется, и я думаю подать заявление на июнь — на Дачу Ковалевского, в наш Дом творчества. Ну, посмотрим, как будет. [...]

---

<sup>33</sup> "Тартусцы" — имеются в виду сотрудники легендарного эстонского Тартуского университета (основан в 1632 г.).

Ну, всего вам доброго. Целую крепко, всем приветы. Пойду завтра на выставку Глазунова<sup>54</sup>, у нас бум — немислимый, а Борис ругается...

18 октября 1979 г.

*Дорогая Ирина!*

В Вашем письме слишком много благодарностей, а все это решительно не стоит их. Хотя, естественно, я рада, если вам все пришлось по вкусу и к делу<sup>55</sup>. [...]

В Москве я действительно была четыре дня, но посмотрела два спектакля — "Иванова" во МХТ<sup>е</sup> и "Ревизскую сказку" на Таганке<sup>56</sup>, как видите, все старое. Таганка интересна, а МХТ — нет. "Иванов" у нас в Пушкинском<sup>57</sup> поставлен принципиально не хуже, и Горбачев играет и переживает вполне серьезно, без дураков. Смоктуновский<sup>58</sup>, увы, стар и играет тоже старость, угасание человека, а ведь вся соль в том, что Иванову у Чехова — 35 лет!

А вот из Москвы я поехала в Польшу (получила приглашение). Пустили Дуньку в Европу! Как истая Дунька, я, конечно, немного занялась барахлом (денег было мало, а там — дорого). [...]

Была — в Варшаве, Кракове и Гданьске. Самое сильное архитектурное впечатление — отлично восстановленный и отреставрированный центр старого бюргерского Гданьска, это замечательно. Варшава новая — мало интересна: наши серые массивы, и еще более серые, чем у нас. Восстановленная старая неплохо, но центр Вильнюса, например, не намного хуже. Краков — мил и приятен. И, конечно, все это надо смотреть летом, когда оно в зелени и цветах. А цветов в магазинах, да каких разных, — у нас таких даже и нет!

Была трижды в театрах, видела один отличный спектакль — "Полет над гнездом кукушки" в театре Повшехный (реж. Гюбнер)<sup>59</sup>. Но это надо рассказывать, фильм по этой же инсценировке (Формана) получил

<sup>54</sup> Глазунов Илья Сергеевич (1930 г. р.) — русский живописец. В 1979 году у И. Глазунова была персональная выставка в Ленинграде.

<sup>55</sup> Речь о "бытовых мелочах" — подарках, отосланных Н. Кузякиной в Одессу.

<sup>56</sup> "Иванов" А. Чехова, режиссер — О. Ефремов, художник — Д. Боровский, премьера — 26.12.1976 г.; "Ревизская сказка" из произведений Н. Гоголя, режиссер — Ю. Любимов, художник — Э. Кочергин, премьера — 9.06.1978 г.

<sup>57</sup> Российский государственный академический театр драмы им. А. Пушкина (Александринский театр), спектакль "Иванов": в заглавной роли И. Горбачев, режиссер — А. Сагалыч, художник — М. Китаев, премьера — 1978 г.

<sup>58</sup> Смоктуновский Иннокентий Михайлович (1925-1994) — российский актер театра и кино.

<sup>59</sup> "Полет над гнездом кукушки" по роману К. Кизи, театральная адаптация Д. Вассермана, Театр Повшехный в Варшаве (ныне Театр повшехный им. З. Гюбнера), режиссер — З. Гюбнер, художник — К. Вишняк, премьера — 30.06.1977 г.

в США пять Оскаров<sup>60</sup>! И он был в афише кинотеатров, но так получилось, что посмотреть не смогла, да и не очень стремилась, не хотела смыть впечатление от сильного спектакля.

Что касается летних планов, то я никак не могу решить для себя — что мне делать, хотя уже пора. Все еще пребываю в раздумии: если я поеду в Одессу, у меня уже не хватит пороку на Миргород, между тем мне там хорошо, и моему кишечнику (пardon!) тоже. Поеду в Миргород — уже явно не попаду в Одессу, где мне тоже хорошо и так хочется всех вас увидеть!

Подумаю еще немного! Всего вам доброго и всем приветы!

*16 февраля 1980 г.*

*Милая Ирина!*

Вот я вернулась из Москвы и открыла, как говорила Леся Украинка, "фабрику писем". [...]

Очень сожалею, что вы не попали в Москву, хотя понимаю, что отдохнуть на море — это тоже дело. Грузины привезли четыре спектакля: "Меловой круг", "Ричарда", "Синие кони" (pardon, красные кони?..) и "Роль для начинающей актрисы"<sup>61</sup>. Последнее — профессиональная демонстрация режиссерского умения пользоваться всеми зарубежными штампами, которые у нас сходят за открытия. С "Красными конями..." получился конфуз: их сняли с репертуара после первого спектакля. Начальство было испугано до крайности. Я бы не стала снимать спектакль, но Шатров в нем действительно вывернут наизнанку, звучание и колорит — мрачный, безысходный. Ленина (его играют три актера, никаких попыток портретного сходства, они могут находиться на сцене одновременно) окружают нагледцы, приспособленцы, дураки — ни одной светлой личности, за исключением Оцупа и Цюрупы. Клара Цеткин — сексуально взвинченная кокетка, Сапожникова изгоняет Ленина из его кабинета, садится за его стол и объясняет ему, какой он дурак. Он почему-то не понимает и терпеливо, во всех трех своих обликах, слушает и пытается вразумить ее. Было от чего испугаться...

"Ричард" — хорош и интересен. "Меловой круг" — блистателен, безупречен и демонстрирует редкое театральное совершенство. Вот так. Сту-

<sup>60</sup> Экранизация одноименного романа К. Кизи, режиссер — М. Форман, на экраны вышел в конце 1975 г.

<sup>61</sup> "Кавказский меловой круг" Б. Брехта, режиссер — Р. Стура, художник — Г. Месхишвили, премьера — 12.09.1975 г.; "Ричард III" В. Шекспира, режиссер — Р. Стура, художник — М. Швелдизе, премьера -11.02.1979 г.; "Синие кони на красной траве" М. Шатрова, режиссер — Р. Стура, художник — Г. Месхишвили, премьера — 22.04.1980 г.; "Роль для начинающей актрисы" Т. Чиладзе, режиссер — Р. Стура, художник — М. Чавчавадзе, премьера — 14.01.1980 г.

руа<sup>62</sup> уже очень высоко котируется на международной театральной бирже, он только вернулся из Дюссельдорфа, где ставил "Как вам это понравится" Шекспира. Одеты грузинки сногшибательно, в открытых бархатных платьях (у вас уже есть? какого цвета?) или в бархатных костюмах и пр. Да, вот так — признак паблисити — бархат и вельвет. Что говорит на этот счет Одесса?

Из Киева мне сообщают, что вышла моя "Леся и Блок"<sup>63</sup>. После того, как все это было изрезано в верстке, радости у меня нет. Но есть некое облегчение, — хорошо, что это как-то кончилось, а немного денег — тоже не повредит. Прислать вам ничего не могу, т. к. не видела и ничего не имею, завишу тут от Киева, а когда пришлют авторские — один бог знает.

В Москве нам вернули на последнюю доработку сборник Курбаса<sup>64</sup>, — надо в новом году сделать окончательно, и уже выделен редактор. Так что дело движется, хотя и работы порядочно (летом я в Киеве накопила кое-каких мелочей). Кроме театров была там (в Москве. — **Прим. сост.**) только в Манеже — на зональной выставке московских художников. Мне кажется, что по общему тону это лучше, чем в прошлые годы. А у нас сейчас испанцы<sup>65</sup>, вчера с Борисом мы их посмотрели — хорошо! Венская выставка тоже обещается приехать к нам.[...]

Ну, вот и все наши новости. Собиралась я поехать в октябре в Среднюю Азию, но пока откладываю, — надо сдавать плановую работу и нет возможности уехать надолго. Но! Если вы соберетесь в Москву, постараюсь приехать. Понимаю, что мои обещания тут немного стоят, но все же...

*Целую вас! Привет всем и добрые пожелания! Пишите!  
25 сентября 1980 г.*

### *Милая Ирина!*

Ваше письмо меня очень растрогало, что со мной случается не так уж часто. Спасибо вам за вашу теплоту, за искренность чувства и вообще за то, что вы существуете, да еще и приехали! Ведь жизнь становится все бедней привязанностями и так ценится то, что способно выстоять под раз-

<sup>62</sup> Стуруа Роберт Робертович (1938 г.) — всемирно известный грузинский театральный режиссер, художественный руководитель Тбилисского национального театра им. Ш. Руставели.

<sup>63</sup> См. прим. 49.

<sup>64</sup> Курбас Л. Статьи и воспоминания о Л. Курбасе. Литературное наследие / Редколл.: Н. Кузякина, И. Драч, Л. Танюк; Сост. М. Лабинский, Л. Танюк; Предисловие Н. Кузякиной; Перев. с укр. Л. Танюк — М., 1987. — 463 с.

<sup>65</sup> Имеется в виду выставка испанских художников.

рушительным напором времени, да и при таких расстояниях! И ваша "болтливость" при моей достаточно молчаливой жизни — это очень большое достоинство! [...]

Вчера отправила вам книжечку<sup>66</sup>, о которой уже не распространяюсь. А вот о приезде зимой очень надо бы подумать! Но тут надо все хорошо сообразить во времени и пространстве. Еще не думала, т. к. до нового года должна положить на стол плановую работу плюс сборник Курбаса в Москву отправить. Работы так много, — что я уже даже не огорчаюсь, и не очень работаю. А вот завтра вместе с соседкой поедем на рынок покупать шерсть, — так что подготовка к приезду в Одессу уже начинается...

Еще раз спасибо вам за все! Спасибо и Борису Александровичу, — его нравственная порядочность всегда была для меня образцом.

*Привет Берте Яковлевне! И будьте все здоровы! Целую!  
8 ноября 1980 г.*

#### *Милая Ирина!*

Заочница из Одессы сказала мне, что вы встревожены отсутствием сведений обо мне. Да, я долго молчала, написала вам уже два письма (одно писала в Горьком, второе — здесь). Надеюсь, что вы оба уже получили... Я замотана, и вообще уставшая смертельно, но осталось до отпуска уже совсем немного. Мне было хорошо, что стояла весь месяц прохладная погода, — не тянуло никуда. А вот сейчас вдруг ударила жара, собралась летняя гроза (а вчера еще ходили в двух свитерах!). И стало совсем невмоготу! Но уже скоро... [...]

Особых новостей у меня нет, хотя, как в каждой жизни, есть свои огорчения и радости. Прочитала (наконец!) Ч. Айтматова, дни думаю о том, как точно найдена эта формула — "манкурт"<sup>67</sup>. Да, для нашего времени эта фигура так типична и так широчайше распространена — в различных ее вариантах. Век манкуртов!..

Приехал к нам на гастроли Курский театр под руководством вашего Бортко<sup>68</sup>, посмотрела "Дядю Ваню" — ах, как красиво и как безвкусно! Такое себе типическое дурновкусие. И еще приехал белорусский театр, но не

<sup>66</sup> См. прим. 49.

<sup>67</sup> Манкурт — согласно роману Ч. Айтматова "И дольше века длится день" ("Буранный полустанок", 1980), это пленный человек, превращенный в бездушное рабское создание, полностью подчиненное хозяину и не помнящее ничего из прошлой жизни.

<sup>68</sup> Курский государственный драматический театр имени А. Пушкина, с 1976 по 1981 гг. его возглавлял режиссер Владимир Владимирович Бортко (1924-1982). В свое время В. Бортко возглавлял Одесский русский драматический театр, поэтому Н. Кузьякина, обращаясь к И. Шайкевич, пишет "ваш Бортко".

Купаловцы, — а им. Якуба Коласа<sup>69</sup>. Показали еще не все, первый спектакль — "Сымон-музыка" — приятен. Молодежный театр собирается выпускать "Монологи" Володина, как это будет, не знаю.

*Ну, пока всего хорошего.  
Приветы всем и добрые пожелания!  
Целую вас.  
26 июня 1981 г.*

*Дорогая Ирина!*

[...] Тоже давно вам не писала по причинам разнообразным: суета одолевает, весна плохо действует, на несколько дней ездила в Москву. Там в издательстве "Искусство" неприятности со сборником Курбаса, Госкомиздат утвердил в плане 30 листов, а было — 40 (реально получилось — 45). Теперь из 45 надо сделать — 30. И многие другие сложности, о которых писать долго и неинтересно. Побывала опять на Таганке, посмотрела старое ("Тартюф", "Пугачева") и опять "Три сестры"<sup>70</sup>. Замечательный спектакль! При всех сложностях и эпатирующей брехтовской непривычности — такой русский, такой открыто горький... [...]

Была вчера на спектакле любопытного театра — кукольного музыкального из Италии ("Пикколи ди Подрека")<sup>71</sup>. Удивительные марионетки — почти в рост человека, мастерство — поразительное, совершенно забываешь, что перед тобой — куклы. А в понедельник пойду еще на спектакль итальянского театра (драматического) — показывают "Лжеца" Гольдони (этой пьесы нет у меня в двухтомнике, я не знаю, что это такое) в здании, где нет трансляции перевода. Что это будет — понятия не имею, и билеты — по 4 рубля, студенты не могут себе позволить такую роскошь.

Вот, как видите, вроде жизнь весьма наполнена всякими и разными впечатлениями и даже развлечениями, и жаловаться не приходится. А с другой стороны, — ощущение усталости и невозможности спокойно

<sup>69</sup> Имеется в виду не Национальный академический театр имени Янки Купалы, а Белорусский государственный академический театр имени Якуба Коласа; "Сымон-музыка" — поэма Якуба Коласа.

<sup>70</sup> "Тартюф" Ж.-Б.Мольера, режиссер — Ю. Любимов, художники — М. Аникст, С. Бархин, премьера — 4.11.1968 г.; "Пугачев" по поэме С. Есенина, режиссер — Ю. Любимов, художник — Ю. Васильев, премьера — 17.11.1967 г.; "Три сестры" А. Чехова, режиссер-постановщик — Ю. Любимов, режиссер — Ю. Погребничко, художник — Ю. Кононенко, премьера — 1981 г.

<sup>71</sup> "Пикколи ди Подрека" (Piccoli di Podrecca) — итальянский театр марионеток, основанный в 1914 в Риме музыкальным критиком и журналистом В. Подрекой.

сесть за стол и писать то, что ты хочешь, — ощущение тягостное и раздражающее. Вот в таком комплексе и живу.

Рада, что Унгуряну как-то пошел вверх, о нем стали больше сообщать, показывали по телевидению. Но кто вернет этому человеку годы, в которые он должен был работать на молдавской сцене? Горько за него и больно.

Спасибо большое Борису Александровичу за открытку и приглашение в Одессу! Не знаю, получится ли в этом году. Очень рада была бы вас всех увидеть, посидеть за столом, потолковать о том, о сем, — годы наши убегают быстро-быстро. Посмотрим, как все уляжется.

Крепко вас целую! Приветы всем и всяческие пожелания по случаю весны и Первого мая, которое уже на носу!

18 апреля 1982 г.

### *Милая Ирина!*

На большое письмо, увы, надежды нет: хвораю (радикулит, которого еще никогда не было, — соли!), институтская суета, еду 5-го в Киев — сестре 70 лет, затем будет три недели страшной свистопляски. Так что если вы очень подождете, то я "разрожусь" письмом. "Дядя Ваня"<sup>72</sup> хорош, — Баси-лашвили<sup>73</sup> отличный актер, Лебедев-Серебряков<sup>74</sup> — несколько комикует, тусклый Лавров<sup>75</sup>-Астров — с ленинскими жестами и интонациями. Очень хороша молодая Соня-Шестакова (жена Додина)<sup>76</sup>, и линия ее отношений с Астровым удивительно прочитана Товстоноговым. Хорошо оформил Кочергин. Но! По общему типу и тону — "Дядя Ваня" в БДТ и в театре им. Франко<sup>77</sup> — спектакли одного класса! Меня это радует чрезвычайно, Ивченко<sup>78</sup> — несравнимо лучший Астров (да и Баси-лашвили — значи-

<sup>72</sup> "Дядя Ваня" А. Чехова, БДТ, режиссер — Г. Товстоногов, художник — Э. Кочергин, премьера — 21.04.1982 г.

<sup>73</sup> Баси-лашвили Олег Валерианович (1934 г. р.) — русский актер театра и кино, с 1959 года и по сей день работает в БДТ.

<sup>74</sup> Лебедев Евгений Алексеевич (1917-1997) — русский актер театра и кино, с 1956 года работал в БДТ.

<sup>75</sup> Лавров Кирилл Юрьевич (1925-2007) — русский актер театра и кино, с 1955 года работал в БДТ. После смерти Г. Товстоногова с 1989 года был художественным руководителем БДТ.

<sup>76</sup> Шестакова Татьяна Борисовна (1948 г. р.) — русская актриса театра и кино, с 1981 по 1984 годы работала в БДТ. Додин Лев Абрамович (1944 г. р.) — один из выдающихся российских режиссеров, с 1979 и по сей день работает в Малом драматическом театре в Санкт-Петербурге.

<sup>77</sup> "Дядя Ваня" А. Чехова, Театр им. И. Франко, режиссер — С. Данченко, художник — Д. Лидер, премьера — 5.03.1980 г.

<sup>78</sup> Ивченко Валерий Михайлович (1939 г. р.) — украинский и российский актер театра и кино, с 1978 по 1983 гг. работал в Киевском академическом театре им. И. Франко, с 1983 и по сей день работает в БДТ.

тельной, серьезней Лебедева). В целом спектакль БДТ лучше, но — не принципиально, а просто естественным уровнем (чуть-чуть, немного — но в значительных местах) культуры.

Более интересных новостей нет. С весной вас! Привет всем! Целую крепко.

29 апреля 1982 г.

*Милая Ирина!*

Я не поблагодарила вас за мартовский подарок, — спасибо! Самое смешное, что я тоже приготовила вам баночку того же крема, — а теперь двух банок мне хватит ровно на два года! С тех пор, как косметика стала дорогой, она свободно лежит, все набрались и успокоились. Впрочем, так и со всем, — впервые в эту зиму нет очередей за лимонами и апельсинами, ешь — не хочу...

Март у меня был очень суетливый, приехали на гастроли франковцы<sup>79</sup>, надо было хоть на пару дней поехать в Вильянди на эстонский фестиваль классической пьесы. Я успела посмотреть четыре спектакля: "Живой труп"<sup>80</sup> в театре им. Кингисеппа (плохо, но дали премию), "Войцек" Бюхнера в театре "Угала" (хорошо, ставил Петерсон), интересный спектакль (второе действие похуже), "Господин Пунтила и его слуга Матти"<sup>81</sup> ("Ванемуйне", Хермакюла) и "Оптимистическая трагедия" в Молодежном (Комиссаров, первый вариант)<sup>82</sup> — обнаженная публицистика, но художественно — неважно. К сожалению, я должна была уехать раньше, чтобы попасть на обсуждение спектаклей франковцев, и не увидела самого лучшего, как мне сказали, — спектакля Тооминга "Народная война".

Франковцев обсуждали, в общем, неплохо, хотя, конечно, ленинградский снобизм давал себя знать. А в театре два очень интересных спектакля: блистательно получилась комедия "Моя профессия — гость из высшего общества"<sup>83</sup> (замечательный В. Ивченко, я насмеялась на многие последние годы, потому в Ленинграде — не посмеешься) и удивительно культурный "Дядя Ваня"<sup>84</sup>. [...]

<sup>79</sup> "Франковцы", то есть труппа Киевского театра им. И. Франко.

<sup>80</sup> "Живой труп" Л. Толстого, Эстонский государственный академический театр драмы им. В. Кингисеппа.

<sup>81</sup> "Господин Пунтила и его слуга Матти" Б. Брехта, Третья студия "Ванеймуне", режиссер — Э. Хермакюла, художник — Э. Ёунапуу, премьера — 1981 г.

<sup>82</sup> "Оптимистическая трагедия" В. Вишневского, Государственный эстонский Молодежный театр (с 1992 г. — Таллиннский городской театр), режиссер — К. Комиссаров.

<sup>83</sup> В репертуаре театра спектакль назывался "Моя профессия — синьор из высшего общества" по пьесе Д. Скарначчи, Р. Тарабузи, режиссер — В. Оглоблин, художник — Ф. Нирод, премьера — 12.11.1981 г.

<sup>84</sup> См. прим. 77.

Борис принес каталог "Экспрессионисты", вышлю вам.

Теперь много работы и думаю уже сидеть дома. Надеюсь, что все у вас хорошо. Приветы всем и добрые пожелания!

*Целую вас!*  
19 марта 1982 г.

*Милая Ирина!*

Открытки Вашей нет и вообще у меня такое впечатление, что кто-то дал приказ всю почту, идущую на мое имя, уничтожить. Понимаю, что допущение вполне фантастическое, но количество писем, которые я не получила, уже переходит в какое-то качество. Сейчас почта — мой личный враг, потому что разорвались все связи с "зарубежным миром", и ниточки рвутся буквально на глазах. Как-то в "Известиях" была статья о том, что в Шереметьево, где-то под забором, валяются мешки выброшенной корреспонденции. Не сомневаюсь, что примерно так же поступают не только в Шереметьево, — выбрасывают мешками, чтобы не трудить себя доставкой. И если бы у нас действительно существовало общественное мнение, то давно бы уже у всех почтамтов стояли пикеты с требованием отставки министра и бойкота почтовых отделений...

Вот видите, сколько еще энергии находится у человека, когда его теснит время!

Голос Ваш, когда мы говорили последний раз, был тусклый. И все, что Вы не можете и не хотите сказать, — все понимается. Судьба так несправедлива! Почему именно Вы должны хворать? Ведь Вы последнее десятилетие вели жизнь в своем роде образцовую: естественно устоявшийся режим, необременительный для Вас; конечно, первоклассное питание, исключая какие-либо излишества. Тишина в доме, ощущение покоя и достатка в семье. Налаженная жизнь родителей, слава богу, без особых встрясок. На фоне множества неустройств я радовалась Вашему простому человеческому счастью, Вы держались в такой замечательной физической форме, что глаз получал удовольствие, а душа отдохновение.

От всей души желаю Вам, чтобы это, заслуженное трудом Вашей души, состояние вернулось к Вам, и чтобы все курсы лечения окончились благополучно!

Что касается наших отношений, то в них, конечно, произошли свои изменения, в которых никто не виноват. Наш враг — время. И та возрастная разница, которая скрадывалась ранее, теперь проступила с полной опре-

деленностью. Я — уже старый человек<sup>85</sup>, в этом году мне добровольно уступают место в метро. И старость моя внешне не очень хороша, я плохо вижу, плохо слышу, склеротические заскоки дают себя знать и в способе мышления. По старой терминологии я — старуха, хотя и моложавая, и даже молодящаяся. А Вы — еще только-только подошли к пожилому возрасту, и стройность фигуры и души Вашей вообще как-то снимает вопрос о том, сколько Вам лет.

Вот жизнь и развела нас, как это и должно было быть. Приходится с этим смириться и только с благодарностью вспоминать, как славно было в давно уже прошедшие годы. И я признательна Вам за то, что Вы были столько лет — далеко, но близко, и я любила Вас и люблю, и теплота этого чувства сохраняется, как бы Вы на меня не сердились.

Пишу Вам, чтобы Вы не чувствовали никакой принудительной связи в наших отношениях. Они готовы сойти на нет, — значит, так и будет, так и надо. Вам не пишется — мне тоже, и ладно, и никакого насилия в обязательных связях и сообщениях. Все, что было, — оно же все равно с нами останется, никуда не девается, отсеивается временное, а остается вечное — сочувствие, добро, сопонимание. А Ваша душа всегда была богата этими чувствами.

Видела я перед Новым годом на защите Розу Дмитриевну<sup>86</sup>, она была в относительной норме. Но теперь мы встретимся неведомо когда — ни одной диссертации на защиту нет. Народ сугубо меркантилен, платят гроши — писать не будем, науку (какая уж она ни есть) — под стол.

Конечно, бытие определяет сознание. И я бы тоже хотела получать гонорар, который Украина уже не платит. Ведь в моем возрасте пишется уже трудно, и я смотрю на машинку с ненавистью. Но и тут ничего не сделать, и приходится покориться обстоятельствам, которые сильнее нас.

Будьте здоровы, дорогая! Привет Эдуарду Михайловичу<sup>87</sup> и родителям, неизменная симпатия ко всем...

*Желаю Вам добра в Новом году!  
8 января 1994 г.*

Публикация Ирины ЧУЖИНОВОЙ и Виктора СОБИЯНСКОГО

<sup>85</sup> На этот момент Н. Кузякиной 65 лет.

<sup>86</sup> Копылова Роза Дмитриевна — доктор искусствоведения, автор многих статей, книг о кино и телевидении, близкая подруга Ирины Шайкевич, коллега Натальи Кузякиной по ЛГИТМиКу.

<sup>87</sup> Половинка Эдуард Михайлович (1939 г. р.) — муж Ирины Шайкевич, инженер, преподаватель Одесского национального морского университета.